

В.П.Желиховская

Радда-Бай – основательница Теософического Общества

От публикатора

Наиболее известное произведение В.И.Желиховской о Елене Петровне Блаватской под названием «Радда-Бай» было напечатано в 1893 году¹. Сейчас можно сказать, что это произведение было краткой версией более обширного материала – «Радда-Бай – основательница Теософического Общества», который хранится в Адьярском архиве (Индия). Этот материал В.П.Желиховская готовила для публикации в журнале «Русский архив». Она познакомилась с издателем журнала, историком, литературоведом П.И.Бартеневым (1829–1912) в начале 1891 года. Петр Иванович в разговоре с ней интересовался Е.П.Блаватской. Вера Петровна сообщила об этой встрече Н.А.Фадеевой² в письме от 22–25 января:

Москва. Гост[иница] Франция.
22 Янв[аря] 1891.

<...> Сейчас у меня сидел старик Бартенев. Я вчера у него была, но не застала. Он явился сам, как говорит, «иметь честь со мной познакомиться». Он *все записки печатает*³, вот молодец! Кажется с Марта *непрерывно*, а может быть и с Февраля успеет. Отдал уже в набор. Очень я рада и жалею, что возилась с этими ослами Семевским⁴ и Шубинским⁵. <...>

Станция Николаевской
жел[езной] дор[оги].
24 Янв[аря] [1891 г.]. 2 часа.

Вчера прерванное письмо продолжаю, так как заранее выбралась из гостиницы, чтоб не платить за сутки лишние. Бартенев, толстый, хроменький старикашка, мне очень понравился; сидел битый час и все расспрашивал об всех и о Ел[ене] Петр[овне] преимущественно. <...>⁶

Через несколько месяцев после смерти сестры В.П.Желиховская обратилась к Д.Н.Цертелеву (1852–1911), редактору журнала «Русское обозрение», и П.И.Бартеневу с предложением написать биографические очерки о Е.П.Блаватской. Об этом мы можем узнать из ее письма к Цертелеву:

Публикуется впервые по: Адьярский архив.

Подготовка текст, публикация и комментарии А.Д.Тюрикова.

Желиховская Вера Петровна (1835–1896) – писательница и драматург.

¹ Желиховская В.П. Радда-Бай. Биографический очерк // Блаватская Е.П. Загадочные племена на «Голубых горах». Дурбар в Лагоре. – СПб.: Издание книгопродавца В.И.Губинского, 1893. Книга поступила в продажу 29 марта – 3 апреля 1893 года по цене 1 руб. 75 коп. (Новое время, 1893, № 6141, 5 апреля).

² Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – тетья Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, руководитель первого в России отделения Теософского общества, созданного в Одессе в 1883 г.

³ Речь идет о «Воспоминаниях» А.М.Фадеева, которые были напечатаны в «Русском архиве» в 1891 г. (№2–5, 9–12).

Фадеев Андрей Михайлович (1789–1867) – государственный деятель, дед Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁴ Семевский Михаил Иванович (1837– 1892) – историк, журналист, общественный деятель, издатель журнала «Русская старина».

⁵ Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913) – историк, журналист, библиофил, редактор журнала «Исторический вестник».

⁶ Желиховская В.П. Письма (1878–1896) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>

С. П[етер]бург. Шпалерная, 50.
27 Августа.
1891.

Многоуважаемый князь
Дмитрий Николаевич.

Я собрала множество материалов для биографии и в особенности для *оценки сочинений моей сестры*. Но дело в том, что боюсь я как бы не потерять мне слишком много труда и времени – даром! Все мы с Вами не сходимся: пожалуй, не понравится Вам и моя статья о ней; а ведь я, к несчастью, не имею права бесплодно тратить свой труд!

Хотелось бы, по возможности, определить смысл и размер статьи, которую Вы желали бы принять в *Обозрение*. Сделайте одолжение, облегчите мне задачу ответом на следующие вопросы:

1) Желаете ли Вы, чтоб речь шла более *о ней*, о ее личности, или о деятельности?

2) Быть может, лучше обратить больше внимания *на книги ее*?

NB. 3) Какого размера *не* должна превышать о ней статья?

Дело в том, что меня просил Бартенев тоже о ней написать; так можно было бы разделить темы: ему дать очерки ее личности и деятельности, собственно как русской замечательной женщины; а Вам в *Обозрение* доставить более обстоятельную оценку трудов ее (не мою, разумеется, – а людей более или менее авторитетных).

Или Вы желали бы, может быть, не разбор ее книг и деятельности, а легкий, графический, так сказать, очерк ее деятельности и Об[щест]ва в Лондоне, – каким оно *мне*, русской православной женщине, представлялось?

О ней ведь можно написать массу самых разнородных очерков и серьезных статей. Особенно много о ней самой и о сочинениях ее отзывов теперь появилось в Англ[ийских] и Америк[анских] журналах.

Пожалуйста, определите, насколько возможно. <...>

Готовая к услугам,

В.Желиховская. <...>⁷

Биографический очерк для «Русского обозрения» был написан быстро и под названием «Елена Петровна Блаватская» опубликован уже в ноябрьском и декабрьском номерах журнала за 1891 год. С очерком для «Русского архива» дело обстояло сложнее. Это показывает переписка В.П.Желиховской с П.И.Бартеневым.

1

14 Окт[ября] 1891.

Милостивый Государь.

Тетка моя, Н.А.Фадеева, пишет мне о Вашем желании, впрочем Вами лично выраженном мне еще при жизни сестры моей Е.П.Блаватской, иметь ее биографию.

К несчастью, дело в том, что я живу и *содержу семью* своей работой... Потому Вы, конечно, не поставите мне в вину, что я приняла предложение, сделанное мне тотчас по кончине ее кн[язем] Цертелевым, написать эту биографию... Я тогда же думала о Вас; но, зная Ваши гонорары, – *должна была* предпочесть *Русск[ое] Обозрение*, платящее втрое больше. Вы простите мне мою откровенность? Имей я средства, конечно, не думала бы я о выгоде, особенно *в таком* труде.

Но вот в чем дело: матерьялов, по моему кличу, прислано мне из Индии, Америки, Англии и Парижа такая *масса*, что их, без повторений, – хватит на три таких биографии (в размере двух, трех № *Рус[ского] Обозр[ения]*), какие просит Кн[язь] Цертелев. Кроме того, раз разобрав всю массу данных, статей и писем, мне теперь несравненно легче о ней писать – вся трудная, черная работа сделана. Ц[ертелев] взял уже начало; я кончаю дело *для него* и все время

---

⁷ Там же.

жалею, что такое множество интересных эпизодов ее жизни и отзывов о ней – пропадает!.. Подумайте: я должна была выпустить почти все, что видела и узнала сама, живя с ней по месяцам за границей; оставила ее собствен[ные] статьи, как: “My books”, “Recent progress in Theosophy”⁸ и пр., нетронутыми; кроме того, тетка моя, Н[адежда] А[ндреевна], еще предлагает мне всю корреспонденцию сестры моей к ней, начиная с [18]75 года – именно год, когда она основала Т[еософическое] Об[ществ]о.

Вследствие этого я смело могу предложить Вам написать и для *Архива* обстоятельную статью, где главные черты ее и движения сохранятся вполне, а интересные *подробности* я почерпну из совершенно других источников.

Если Вам будет угодно согласиться на мои предложения, будьте добры, сообщите мне Ваши, с обозначением максимума Вашей платы с печатного листа, и я тотчас примусь за работу с величайшим удовольствием.

Готовая к услугам и искренно Вас уважающая

В.Желиховская.

С. П[ете]рб[у]рг.
Шпалерная ул. 50».

2

[Начало февраля 1892 г.
Петербург].

Милостивый Государь,
Петр Иванович.

Простите меня, ради Бога, что так долго держала Вас без извещения, и сознаюсь: до вчерашнего дня *не* принималась за биографию сестры. К этому была важная причина: я ждала, *чем* разразится г[осподин] Вс. Соловьев⁹ в своей диффамационной¹⁰ статье на мою сестру и меня – рикошетом. Теперь, дождавшись *Р[усского] Вестн[ика]*¹¹ и убедившись, что он не постоял на обвинениях, измышленных собственным воображением, я чувствую себя как бы с развязанными руками и могу сделать статью для *Архива* еще интереснее. Дело в том, что, зная, как он круто из пламенного теософа и еще более пламенного друга сестры моей обратился во врага их, не желая без нужды раздражать его, я в *Р[усском] Обозр[ении]* не помянула даже его имени. Теперь он сам развязал мне руки: стол мой ломится от *его* писем и статей к сестре моей и о ней, где он диаметрально противуречит нынешним ироническим показаниям своим и весьма интересно расписывает ее заслуги и свои отношения к ней.

Я, разумеется, не помяну ни слова, которого не могла бы доказать документами, которые готова показать и Вам; но очень рада, что могу говорить свободно.

Я именно остановилась на пребывании нашем (моем и его) у нее в Париже и теперь продолжаю. Недели через три надеюсь прислать Вам *все*.

Готовая к услугам,

В.Желиховская.

P.S. Если б Вы были так добры: хоть раз помянули свое *отчество*? А то я плету ошупью, то Николаич, то Иваныч.

Прочтите, пожалуйста!

⁸ См.: «Мои книги» (Lucifer, 1891, т. VIII, №45, май), «Последний успех в теософии» (The North American Review, 1890, т. CLI, №405, август).

⁹ Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) – писатель, поэт, критик, издатель, автор клеветнической книги о Е.П.Блаватской «Современная жрица Изиды» (1892).

¹⁰ Диффамация (*лат.* diffamare разглашать, лишать доброго имени, порочить) – публичное распространение сведений (действительных или мнимых), позорящих кого-либо.

¹¹ Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды // Русский вестник, 1892, №2.

[Февраль 1891 г.
Петербург].

Милостивый Государь.

Я никак не могу понять, что именно Вы говорите о 2-х листах? Если *вся* биография, по-Вашему, не должна превышать двух листов, то – что же я могу в ней высказать?! Я нескольких слов не могу взяться писать о жизни, о которой *можно* написать тома.

Я посылаю Вам написанное мной; это должно составить *треть* всей биографии в том размере, какой я предполагала. Потрудитесь сообщить, согласитесь Вы на такой размер? Конечно, я могу сократить последующее наполовину; но тогда придется мало давать ее оригинальных писем; ведь они-то и растягивают рассказ, а Вы между тем их у меня просите. Как же тут быть?

О феноменах я и то упоминаю вскользь, *sans préciser*¹². Но если Вы найдете и те немногие, на которых я останавливаюсь, лишними, – описания их я согласна выключить и даже в рукописи означила такие параграфы карандашом – крупными вопросительными знаками.

Но кроме означенных мест выпускать нечего.

В продолжение же, в жизни сестры в Англии – феноменов почти и нет. Только музыкальные да ясновидения. В Париже, впрочем, были при мне и Надежде Андреевне удивительные вещи; но я могу пройти их вскользь.

Буду ждать ответа Вашего для продолжения работы.

Готовая к услугам Вашим

В.Желиховская.

[Февраль 1891 г.
Петербург].

Милостивый Государь
Петр Николаевич,

Не вижу, *почему* (зная теперь мою манеру писать и степень интереса моей передачи жизни моей сестры) *Вы не можете* сказать прямо: готовы ли Вы поместить в журнале Вашем еще столько же текста ее биографии или нет? Я с своей стороны *не могу продолжать писать* биографии не имея ответа на этот вопрос, потому что именно должна с тем сообразоваться.

Скажите прямо: готовы ли Вы поместить таких (то есть не меньшего интереса) страниц *такое-то* количество, а именно: *до 150* или только *до 100*, или даже до 200 счетов – и *сообразуясь с Вашим ответом*, я буду включать *столько же*, или *менее*, или *более* ее писем.

Эти письма слишком ценный матерьял. Я всегда найду им место в других журналах; но повторяю: обещав Вам ее полную биографию, я готова ее написать в размере *хотя бы* до 200 страниц, со включени[ем] писем сестры, круглым счетом за предлагаемую Вами цену 30 руб[лей] с листа печатного, то есть с 35000 букв.

Раз согласившись на такой микроскопический гонорар, я напишу статью с таким же вниманием и любовью (тем более о сестре!), как пишу и для тех, которые мне платят 200 руб[лей] с листа. В этом Вы можете быть уверены. Одно мне надо знать – *размер*.

Потрудитесь еще объяснить: к чему относится Ваше уверение, что Вы «не» руководимы желанием «меньше» заплатить. Мне об этом и в голову не приходило... Разве можно заплатить *еще* меньше?.. Сколько будет печатных листов моей статьи о Е.П.Блаватской в *Архиве*, столько раз Вы заплатите мне по 30 р[ублей] – вот и все. Не правда ли? Моих страниц обыкновенно в печатном листе вмещается от 10 до 12.

Письмо *печатное* на смерть Каткова¹³ Вы можете получить в конторе *Моск[овских] Вед[омостей]*¹⁴; но у меня есть *превосходное* письмо ее по тому же поводу, в печати не бывшее.

¹² без подробностей (*фр.*).

¹³ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», в которых публиковались произведения Е.П.Блаватской.

Если Вы возьмете поместить не менее 100 моих страниц, то я включу и его, и несколько других.

Портрет ее я тоже могу Вам прислать хороший, еще никем не изданный, но только на время, – *одолжить* с тем, чтобы Вы мне его назад отослали.

Буду ждать ответа решительного, как я и раньше спрашивала касательно *крайнего числа* страниц, до которого могу довести биографию.

Готовая к услугам

В.Желиховская¹⁵.

Материал «Радда-Бай – основательница Теософического Общества» был В.П.Желиховской закончен в течение февраля 1892 года, но в журнале «Русский архив» так и не появился. П.И.Бартенев вспоминал: «Желиховская желала поместить в “Русском архиве” большую биографию сестры, но я отказался»¹⁶. Из этой «большой биографии» Е.П.Блаватской Вера Петровна в 1893 году и сделала очерк меньшего объема «Радда-Бай».

В январе 1893 года Вера Джонстон, дочь В.П.Желиховской¹⁷, проживавшая в Лондоне, попросила мать выслать «статью, написанную для “Русского архива”», чтобы из нее перевести на английский язык письма Е.П.Блаватской.

Был у меня Herbert Barrows¹⁸ на днях (ты его помнишь? Он вам билет в Бот[анический] Сад давал); я ему рассказывала кое-что из твоей статьи о тете в *Р[усском] Об[озрении]*. Он очень заинтересовался и стал просить, чтобы я вместе с ним кое-что перевела, т.е. я диктовать, а он писать приличным Анг[лийским] языком, как мы раз уж с ним делали для Сентяб[рьского] *Люцифера*. Это мне, конечно, гораздо легче. И его просьба дала мне мысль попросить у тебя статью, что ты писала для *Р[усского] А[рхива]*. Помнится, ты говорила, что она целиком составлена из ее писем. Barrows уверяет, что здесь это будет хорошо продаваться. Или просто ее письма пришли, которые считаешь замечательными¹⁹.

Да по правде сказать и времени у меня весьма мало. Только и пишу, когда боли полегчают и слабость пройдет. Иногда целую неделю не берусь за перо. Так что за твои фантастические рассказы я и братья теперь не стану, хотя некоторые из них очень хороши. Чтобы мне чрезвычайно хотелось сделать, это перевести «Среди Наваждений»²⁰. Один New-York'ский издатель почти что обещал взять его. Кроме того та работа с тетинными письмами, о которой я тебе писала, что Herbert Barrows предлагает сделать вместе, тоже очень привлекает меня. Пожалуйста пришли мне твою рукопись, от которой *Рус[ский] Ар[хив]* отказался, или же просто тетинны письма, которые находишь поинтереснее. Вот видишь, сколько у меня задуманного дела²¹.

Рукопись была выслана, но не полностью.

Мамочка, так, право, жаль, в твоей рукописи о тете недостает страниц 19, 28, 29, 35, 40, 61, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, итого двадцати страниц. Поищи, не остались ли они у тебя. Не может быть, чтобы они были затеряны здесь, потому что я только что распаковала посылку и сейчас же заметила. Все, что ты пишешь в этой статье

---

¹⁴ Некролог на смерть М.Н.Каткова, написанный Е.П.Блаватской, был опубликован в «Московских ведомостях» 14 августа (№222) 1887 г. (см. также: *Блаватская Е.П. Статьи в русской прессе.* Донецк, 2013. С. 142–144).

¹⁵ *Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>

¹⁶ Из записной книжки «Русского архива» // *Русский архив*, 1912, кн. III. С. 550.

¹⁷ Джонстон Вера Владимировна (урожд. Желиховская, 1863–1920) – писательница, дочь В.П.Желиховской, с 1888 г. жена ирландского востоковеда, публициста, писателя и теософа Чарльза Джонстона (1867–1931).

¹⁸ Барроуз Герберт (1845–1922) – английский общественный деятель, один из основателей социал-демократической федерации, в 1889 г. одновременно с А.Безант вступил в Теософское общество.

¹⁹ Из писем Веры Владимировны Джонстон (1884–1910) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>

²⁰ *Желиховская В.П.* В среде наваждений // *Художник*, 1891, №10.

²¹ Из писем Веры Владимировны Джонстон (1884–1910) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>

ужасно интересно. Переводя, я не стану придерживаться только рукописи, а буду вставлять и из того, что было в *Рус[ском] Об[озрении]*²².

Затем почти все отсутствующие листы были досланы. На сегодняшний день в рукописи, состоящей из 125 листов²³, нет 35-го и 49-го листов. Но издание писем Е.П.Блаватской, задуманное для журнала «Люцифер» Х.Барроузом и В.Джонстон, не удалось. Осенью 1894 года У.Джадж²⁴ предложил Вере Владимировне напечатать эти письма в нью-йоркском журнале «The Path». Она писала матери 1 октября:

У меня столько дел, что хоть разорвись. Получили письмо сегодня, в котором предлагается мне 25 ф[унтов] за отрывки тетиних писем, все, какие только найдутся. В твоей ненапечатанной ее биографии их множество. Думаю, что немедленно придется засесть за них²⁵.

В.В.Джонстон перевела на английский язык почти все письма Е.П.Блаватской из очерка В.П.Желиховской «Радда-Бай – основательница Теософического Общества», которые и были опубликованы в журнале «Path» (декабрь 1894 – декабрь 1895) под названием «Letters of H.P.Blavatsky».

Такова судьба рукописи В.П.Желиховской «Радда-Бай – основательница Теософического Общества», время публикации которой на русском языке наконец-то пришло.

---

²² Из письма В.В.Джонстон В.П.Желиховской, 1/13 марта 1893 г., Лондон // Из писем Веры Владимировны Джонстон (1884–1910) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>.

²³ В.П.Желиховская писала только на одной стороне листа, другой оставался чистым или использовался для примечаний или черновых записей.

²⁴ Джадж Уильям Куон (1851–1896) – американский адвокат, писатель, один из основателей Теософского общества, с 1886 г. Генеральный секретарь американской секции Теософского общества, редактор журнаа «The Path».

²⁵ Из писем Веры Владимировны Джонстон (1884–1910) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>

...Стоял *Изиды* храм... Благоговейно чтимый. Там,
В глубокой нише, за гранитными столбами,
Покрытыми до потолка
Таинственных письмен узорными чертами,
Стоял кумир несчетные века...
Кумир тот, *Истиной закрытой* именуя,
И только избранным толкуя
Значенье символов, начертанных кругом,
Жрецы ей жертвы жгли с особым торжеством.
К ее подножью шли не только царь-избранник,
Не только истый жрец, но и безвестный странник...
...Учитель! разве мы, ища ее, преступны?
И разве нам искать ее запрещено?..
Казнить ли нас за то, что *истины* мы просим,
Что жажду чувствуя, мы жажды не выносим...

Стих[отворение] Я.П.Полонского²⁶.

There is no religion higher than truth²⁷.

(Девиз Теософистов).

«Господь истины все простит ей, в чем она виновата, за то, что она постоянно и неуклонно стремилась к истине».

(Слова православного духовного лица на смерть Е.П.Блаватской²⁸).

[I]

²⁹Елена Петровна Блаватская, рожденная Ган, была необычайным явлением даже в наш век, освоившийся с необыкновенными личностями. Я имею полное право сказать это, основываясь на авторитетах сотен людей, знавших ее лично, и многих тысяч, свидетельствующих о ее генияльности³⁰ на основании ее дел и сочинений. Их в России почти не знают, но даже своими двумя-тремя легкими бытовыми очерками и путешествиями, написанными ею когда-то по просьбе М.Н.Каткова для его газеты и журнала³¹ за вымышленной подписью «*Радды-Бай*», – она сразу выдвинулась в русской литературе и дала в ней почетное место своему псевдониму.

Думаю, что никто меня не обвинит в родственном пристрастии, в преувеличении ее значения, прочитав хоть один из иностранных или моих биографических очерков ее жизни или деятельности³²; в них³³ я всегда скрепляю свои воспоминания³⁴ свидетельствами о сестре моей сторонних лиц, среди которых каждый образованный человек найдет имена людей, известных в европейской науке и литературе. Да впрочем я одним вопросом могу вполне доказать свое право называть ее женщиной генияльной и необычайной: была ль когда-либо в мире русская женщина

²⁶ Яков Петрович Полонский (1819–1898) – поэт и прозаик.

²⁷ Нет религии выше истины (англ.).

²⁸ По всей видимости, слова эти принадлежат Евгению Константиновичу Смирнову (1845–1923), писателю, протоиерею, настоятелю императорской посольской церкви в Лондоне.

²⁹ Здесь зачеркнуто: *Сестра моя*.

³⁰ Так в тексте.

³¹ «Письма на Родину», «Дурбар в Лагоре», «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена» и пр. – *Примечание В.П.Желиховской*.

³² В журн[алах] «Русское Обозрение», «Ребус»; в газетах: «Новости», «Кавказ», «Одесский Вестник» и пр. – *Примечание В.П.Желиховской*.

³³ Далее зачеркнуто: *всех*.

³⁴ Далее зачеркнуто: *о ней*.

без особого положения, без состояния, без всяких прав на известность, кроме личных заслуг, – на смерть которой отозвались бы сразу *все пять частей света*?.. В Европе почти все страны помянули ее так или иначе; в Англии, Америке, Индии – вся пресса переполнилась ее именем³⁵. Во всей Великобритании и колониях ее, в Соединенных Штатах, во всех значительных городах Ост-Индии народы всевозможных вероисповеданий служили по ней тризны, созывали митинги, собирают в память ее суммы для составления капиталов ее имени – на стипендии в школах, на различные благотворительные и полезные предприятия, согласные с выражавшимися ею при жизни желаниями. На Острове Цейлоне в продолжение двух дней, по получении телеграммы о кончине Блаватской, продолжались торжественные поминки ее, были накормлены нищие и монахи и закрыты все женские буддистские училища.

Кажется одних этих фактов достаточно, чтоб доказать, что жизнь и деятельность Радды-Бай выводят ее из ряда обыкновенных известностей.

Несмотря на то, что я не впервые пишу о сестре со дня ее смерти^{36, 37}, тем не менее у меня так много еще не затронутого в подробностях материяла³⁸ о жизни ее за последние годы, – те годы именно, которыми она и приобрела право на такую широкую известность, – что я затрудняюсь с чего начать?.. По первому кличу моему, по первому заявлению о том, что я желаю писать о ней, ее сторонники, последователи ее учения со всех стран света наслали мне такую массу отзывов, воспоминаний, критических статей о книгах ее, что можно было бы из них, – не говоря уж о собственных моих воспоминаниях, – извлечь целые тома.

Я постараюсь выбрать³⁹ самые яркие и верные очерки, руководствуясь как можно более нашей семейной перепиской и собственными достоверными сведениями.

От раннего детства Елена была необыкновенным ребенком, обращавшим всеобщее внимание остротой ума, непокорного никаким условиям заурядных требований дисциплины, образования и даже самых элементарных воспитательных начал.⁴⁰ У нее все было своеобразно, смело и порою даже оригинально до дикости. Ее речи, заключения, поступки всегда поражали неожиданностью, совсем особой, неведомо откуда бравшейся странностью и решительностью. Она составляла отчаяние гувернанток и учителей, хотя была способна и любознательна, но, не терпя никаких стеснений, с величайшим трудом покорялась распределению занятий, приготовлению задаваемых уроков и самым законным требованиям своих воспитателей. Вследствие этого с юности она, никогда ничему не желая учиться систематически, не получила никаких основательных, серьезных знаний. Да у нее ни к чему, кроме музыки и языков, и не было никаких выдающихся способностей. Филологические способности ее были заметны с детства; кроме родного своего языка, она училась⁴¹ французскому, немецкому и английскому, а как только начались ее ранние странствия, она с изумительной легкостью усваивала не только языки тех стран, где приходилось ей жить, но даже наречия их, жаргоны и оттенки произношения.

Кроме своеволия, смелости, живости, остроумия и полнейшего своеобразия характера и воображения, чрезвычайно развитого и фантастически направленного, сестра еще имела в детстве особенность: у нее бывали припадки сомнамбулизма, в которых она не только громко говорила и пела во сне с широко открытыми глазами, но даже отвечала на вопросы. И большей частью снились ей сны и мерещились вещи совсем не подходящие девочке... Ее характер вообще более подходил бы живому, умному и решительному мальчику. Все шалости ее, а позже страсть к сильным ощущениям, к путешествиям, никогда не покидавшая ее энергия, сила воли и полная независимость поступков делали ее нравственно гораздо больше похожей на мужчину⁴², нежели на

³⁵ именем (*устар.*).

³⁶ Чужие мнения о русской женщине // Новости и биржевая газета, 1891, №288, 18 октября; №292, 22 октября; №302, 1 ноября; №307, 6 ноября; Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк // Русское обозрение, 1891, №11, 12; Как я была маленькой (СПб., 1891).

³⁷ Далее зачеркнуто: *но*.

³⁸ Так в тексте.

³⁹ Далее зачеркнуто: *из них*.

⁴⁰ Далее написано над строкой и зачеркнуто: *D'ici*.

D'ici (*фр.*) – отсюда.

⁴¹ Далее зачеркнуто: *только*.

⁴² мужчину (*устар.*).

женщину. Она никогда не признавала авторитетов, всегда шла сама себе, самостоятельно прокладывая пути, презирая законы света и условия, стеснительные для ее свободы.

Препятствий она никогда признавать не желала, и хотя по сердцу была сама доброта и всегда с готовностью рада была всем своим не только поделиться, но отнять у себя необходимое, чтобы помочь другому, но в случаях противуречия⁴³ способна была натворить много бед, ломая все и без разбора все устранив с пути лишь бы добиться своих целей, достигнуть желаемого.

Благоразумие и сдержанность не были ее добродетелями. Она не умела желать и действовать хладнокровно; расчетов и выжиданий никогда не терпела и, горячо стремясь к своим задачам,⁴⁴ которые в данную минуту ей представлялись верхом благополучия и крайней необходимостью, готова была ради их кривить душой и бессознательно уподобляться своим недругам – последователям аксиомы, что «цель оправдывает средства». Однако же на продолжительное притворство ее не хватало.

С самых юных лет Елены стало очевидно, что жизнь ее не будет из числа заурядных, но никому и на ум не могло придти ничего подобного тому, что вывело ее в последующей жизни не только с большой, торной дороги на единичный путь, но в конце пути этого резко выделило *ее одну* из числа немногих женщин, избирающих самостоятельные дороги, на совершенно *новой, небывалой* и для другой немыслимой арене. Ей было всего одиннадцать лет, когда мать наша⁴⁵ скончалась; она, однако уж, провидела, что старшую дочь ее ждет необычайная судьба, и выражала за нее опасения. Семье матери нашей, взявшей нас всех троих – Елену, меня и меньшего брата нашего Леонида⁴⁶ – на свое попечение после смерти ее, она доставила много забот... Одной из наибольших было ее замужество и вслед за тем отъезд и совершенное исчезновение на многие годы.

Мы тогда жили в Тифлисе, где дед наш А.М.Фадеев управлял Государственными Имуществами на Кавказе. По его положению и по старым связям родства и знакомства его и бабушки, рожденной княжны Долгорукой⁴⁷, в доме у нас бывало все, что было высшего в то блестящее военное время на Кавказе. Сестре было семнадцать лет; с ее красивой наружностью и умом она, разумеется, могла бы сделать блестящую партию, но она не хотела ее, как сама потом признавалась мне: ей был нужен не муж, а возможность действовать самостоятельно, свободно, «не жалея» человека, чье имя ей нужно было как временное средство действия.

Впрочем⁴⁸, кроме лет Н.В.Блаватского⁴⁹, который чуть ли не втрое был старше своей невесты, особенно неподходящего ничего в этом браке не было.

Тем не менее, я как сейчас вижу изумление и тревогу бабушки, когда Елена⁵⁰ совершенно неожиданно вошла к ней в комнату с⁵¹ террасы, где гуляла только что под руку с «Эриванским вице-губернатором», как тогда называли в семье нашей этого малознакомого человека, и объявила:

– Вот мой жених – Никифор Васильевич Блаватский!.. Благословите нас!

---

⁴³ против- (*устар.*).

⁴⁴ Далее зачеркнуто: *в.*

⁴⁵ Далее зачеркнуто: *Елена Андреевна Ган, рожденная Фадеева**.

* В русской литературе известная под псевдонимом «Зенеиды Р-вой». – *Примечание В.П.Желиховской.*

Ган Елена Андреевна (1814–1842) – писательница, мать Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁴⁶ Ган Леонид Петрович (1840–1885) – брат Е.П.Блаватской, мировой судья 2-го участка Ставропольского уезда (1869–1876), присяжный поверенный округа Тифлисской судебной палаты в Ставрополе (1881–1883), присяжный поверенный Тифлисского окружного судьи (1884–1885).

⁴⁷ Фадеева Елена Павловна (1788–1860) – ученый-естествоиспытатель, бабушка Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁴⁸ Далее зачеркнуто: *особенно неподходящего.*

⁴⁹ Блаватский Никифор Васильевич (ок. 1807–?) – муж Е.П.Блаватской, статский советник, Эриванский вице-губернатор (1849–1860), чиновник, причисленный к главному управлению Кавказского наместника (1860–1864), в 1864 г. вышел в отставку.

⁵⁰ Далее зачеркнуто: *Петровна.*

⁵¹ Далее зачеркнуто: *галереи и. Англ. gallerye.*

Тетки нашей, Е.А.Витте⁵², на которой главным образом лежали заботы о горячо любимой ею племяннице, тогда не было; она уезжала с мужем⁵³, командированным по службе на продолжительное время. Когда она вернулась, это было уж решенное дело, которому помочь нельзя было в виду совершенной готовности сестры моей довести его до конца. Сам Н.В.Блаватский был единственным лицом, которое имело бы полное право отказаться от беспокойной и бесцеремонной невесты, которая положительно вздохнуть ему не давала капризами и насмешками. Но он сам шел на свою гибель, этого не пожелав...

Я была тогда девочкой тринадцати лет, но помню, что меня поражало обращение сестры с женихом; что я ждала, что они рассорятся и разойдутся непременно. После, хотя Н[икифор] В[асильевич] оказался честным, добрым, вполне хорошим человеком, я поняла *что* подразумевала сестра моя говоря, что «такого не жалко»... За чем пошел – то и нашел! Одно скажу в оправдание сестры: она с ним не лицемерила. Он мог ясно видеть, что в браке с ней не может ожидать счастья.

В последнюю минуту, когда надо было ехать к венцу⁵⁴, и Елена призадумалась... В старых дневниках своих нахожу ее слово мне, плакавшей о предстоявшей нам разлуке:

– Полно!.. Чего плакать?.. Сама ж я хотела... Но только уж скорей бы, скорей! *Чтоб в самом деле, сывая голову, по волосам бы не заплакать!* I wish all this over!⁵⁵

Она и не плакала. Напротив, смехом старалась заглушать мысли о будущем... А быть может чаяние этого *будущего*, которое она заранее замышляла, и утешало ее в настоящем... Они в тот же день уехали.

Мы то лето проводили в Гергерах⁵⁶, на границе Эриванской губернии. Дороги тогда были⁵⁷ непроездные, так что на громадную гору Безобдал вице-губернатору с молодой женой и свитой пришлось взехать верхом, а за ней уж, на станции *Караклис*, их ожидали экипажи. Их долго было видно. Я, помню, стояла на крыльце и следила за пестрой гурьбой отъезжавших; в конвое их было много курдов в их живописных нарядах с длинными копьями, украшенными султанами из страусовых перьев. Они гарцевали⁵⁸ на своих чудных лошадях в честь⁵⁹ новой молодой начальницы; а она, забыв недавнюю тревогу, восхищалась их удалью, заливаясь смехом над своим супругом, действительно, по сравнению с окружавшими их идеальными наездниками, походившим на «куль сена, взгроможденный лошади на спину», – как она его бесцеремонно величала.

Молодые нажили вместе не долго; она той же осенью, помнится, вернулась и всю зиму прожила с нами в Тифлисе; а следующей весной⁶⁰ и совсем оставила Кавказ и Россию. Она поехала Черным морем якобы на время к отцу нашему⁶¹, который должен был встретить ее в Одессе, но в Керчи сошла с парохода и исчезла на несколько лет. Люди, сопровождавшие ее, возвратились одни, и прошло более четырех лет, прежде чем я получила от нее прямое известие, да и то под величайшим секретом. Так как в то время разводы были в России немислимы, то она решалась не давать о себе голоса в продолжение десяти лет, чтоб окончательно покончить расчеты с матримонияльной⁶² жизнью.

---

⁵² Витте Екатерина Андреевна (1819–1898) – тетья Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, с конца 1860-х гг. проживала в Одессе.

⁵³ Витте Юлий Федорович (1814–1868) – директор департамента государственных имуществ Закавказского края (с 1857 г.).

⁵⁴ 7 июля 1849 г.

⁵⁵ За это я хочу все (*англ.*).

⁵⁶ Весь Тифлис всякое лето перекочевывает в горы, в окрестности, ища прохлады. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁵⁷ Далее зачеркнуто: *через горы.*

⁵⁸ гарцевали (*устар.*).

⁵⁹ Далее зачеркнуто: *своей.*

⁶⁰ 1850 г.

⁶¹ Ган Петр Алексеевич (1798–1873) – офицер конной кавалерии, полковник в отставке (с 1845 г.), управляющий Каменец-Подольской земской конюшней (1846–1848), Гродненский губернский почтмейстер (1851–1858).

⁶² Так в тексте.